

разговаривая с ним как с маленьким: может, это несварение желудка, с кем не бывает.

По возвращении в гостиницу Фрост принял свое нелюбимое лекарство. Его состояние продолжало ухудшаться. Мы обсудили с ним возможные варианты и вопрос, кем он будет себя потом считать, если не поедет. Мы убедили его подождать с решением до утра. Он должен был выехать из гостиницы в шесть тридцать. Мы придем без пятнадцати шесть, сказали мы; в шесть мы будем завтракать. Тогда все и решим. Мы пожелали ему спокойной ночи, и он закрыл дверь. Он не любил опеки, но если ему что-то было нужно, хотел получить это немедленно.

В коридоре мы с Адамсом еще поговорили. Он знал о некоторых предыдущих болезнях Фроста и об особенностях его организма. Мы оба придерживались мнения, что прежде всего Фрост перенервничал. Ведь нам было известно, как он готовился к поэтическим вечерам, как перед их началом уединялся на час-другой в своем номере и как ужинал только по их окончании. Предстоящая поездка не шла ни в какое сравнение с поэтическим вечером. И он настолько серьезно относился к своей поэтико-пророческо-политической миссии, что, разумеется, должен был нервничать. А что если он к тому же болен? Что если ему станет хуже? Мы согласились, что решим все вопросы завтра — или, скорее, сегодня, потому что уже близился рассвет.

Будильник Адамса зазвенел. Адамс разбудил меня. Мы оделись и пошли к Фросту. Он сказал, что чувствует себя хуже, но поедет в Гагру: “Ради этого я сюда приехал”. Мы с Адамсом спросили Фроста, кого из нас он возьмет с собой (премьерское приглашение давало право только на одно сопровождающее лицо). Фрост подпустил шпильки насчет познаний Фредди в русском языке и моей незаменимости. “Все равно мы одна команда, ведь так?” — сказал он. Мы согласились. В шесть